

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ МАЧТЕТА

"Курьер", 1901 г., No 229

"Было это в начале семидесятых годов... Мы верили в будущее, в свой народ и умели любить его... Мы учились, набирались знаний, твердо сознавая, для чего это нам нужно, и, обладая ясно намеченной целью, отбрасывали, как ненужное все, что не соответствовало и не служило прямо и непосредственно этой цели... Все мы думали учиться жить простой, трудовой, мужичьей жизнью, где нет места культурным привычкам... Мы отказывались от посещения театров, отрицали занятия художествами, ничем не служившими нашей цели, иронизировали над поэзией... Мы заслуживали кличку "ригористы"...

Так вспоминает о днях своей ранней молодости герой одного из рассказов Григория Мачтета. Но сделавши общую характеристику "риторического" настроения, охватившего тогда передовую интеллигенцию, герой этого рассказа спешит признаться, что сам он, до некоторой степени является исключением из общего правила. Правда, он "шел за всеми", стремился к тому, чтобы "раствориться в народной массе", зажить "простой, трудовой, мужичьей жизнью", но в то же время он не был "цельным", прямолинейным ригористом. "Я исповедовал то же, что и мои друзья, - говорит он, - я готовился к тому же, что и они, но на дне моего сундука таились несомненные доказательства немощи плоти": на дне его сундука лежали целые груды рукописей; герой рассказа Мачтета чувствовал в себе страсть к изящной литературе, к творчеству в области беллетристического вымысла. Он стыдился этой страсти, занимался писанием романов и повестей украдкой, и тщательно прятал от всех людей плоды своей творческой работы. Но страсть "превозмогла его волю"; "немощь плоти" торжествовала над ригоризмом; мачтетовский герой принужден был отказаться от мечты раствориться в народной массе и зажить мужичьей, простой жизнью, принужден был отдаться во власть "культурной привычке".

В толпе своих сверстников он оказался "новым человеком, старавшимся сочетать народнические стремления с требованиями повышенной "культурности".

Таким же "новым" человеком для своих сверстников был и сам Мачтет. Подобно герою своего рассказа, он воспитывался и развивался духовно в школе народнического ригоризма. Подобно своему герою, он "шел вместе со всеми"; подобно своему герою, он жаждал служить определенной цели; более того, он доказал на деле, насколько сильна была в нем эта жажда. И в то же время он не был "прямолинейным" ригористом, не отрекался решительно и бесповоротно от "культурных привычек".

Напротив, он был одним из пионеров того "нового" движения интеллигенции, которое признало права гражданства за многими "культурными привычками", которое не могло примириться с идеей духовного "воздержания"; реабилитировало "страсть" к поэтическому творчеству, старалось воскресить культ "красоты", преданный презрению прогрессистами шестидесятых-семидесятых годов. Он был очень видным деятелем наступившей, в дни его молодости, реставрации романтического идеализма, был кровным сыном той семьи писателей, которая имела ярких выразителей своих стремлений и дум в лице таких художников слова, как Владимир Короленко и Надсон.

Если прогрессисты шестидесятых-семидесятых годов и обращались к разработке беллетристических произведений, то они делали это, исключительно имея в виду публицистические задачи, желая осветить тот или другой общественный вопрос или доказать тот или другой тезис своего учения. И при этом их "ригоризм" не допускал ни малейшего "отклонения в сторону": в своих романах и повестях они не позволяли себе ни одного лишнего слова или образа. Они неизменно удовлетворялись лишь тем, что непосредственно нужно было для определенной цели. Деятель эпохи романтического реализма поступал совершенно иначе: он своими повестями и рассказами воскрешал интерес к художественной стороне беллетристических произведений и к эстетическому вымыслу. Он расширил рамки беллетристических произведений, вводя в литературный обиход те элементы, которыми пренебрегали прогрессисты шестидесятых-семидесятых годов. Он придавал большое значение интриге и фабуле повести или романа. Он прибегал, с целью усилить интерес к интриге, ко всевозможным приемам старинных романтиков. Он создавал особенно "кричащие" положения, которые рекомендовались писателями прежних времен. Образцом его пристрастия к подобного рода положениям может служить, например, фабула его повести из сибирского быта "В тундре и тайге": в этой повести центральной фигурой является старик, бродяга Демьян Гони Ветер, сосланный в Сибирь за покушение на убийство одного купца, с женой которого он состоял в любовной связи. Бродяга поступает рабочим на золотые прииски, принадлежащие одному авантюристу. Этот авантюрист не имеет ни гроша денег в кармане; ему нечем даже заплатить рабочим. Во избежание расправы с собой рабочих, он в решительную минуту